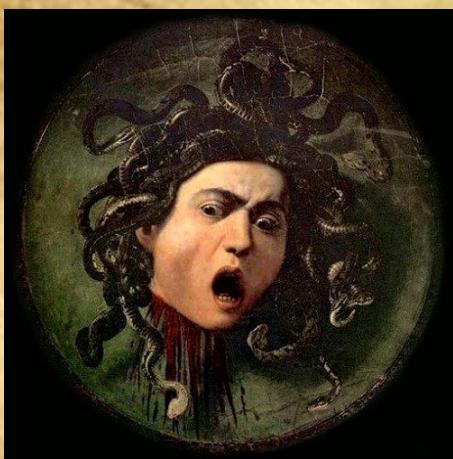

ЭВРИАЛЕ

...И задал

Некто, один из вельмож, вопрос: из сестер почему же
Волосы только одной перемешаны змеями были?
Гость же в ответ: "Раз ты вопросил о достойном рассказа,
Дела причину тебе изложу. Красотою блистая,
Многих она женихов завидным была упованьем.
В ней же всего остального стократ прекраснее были
Волосы. Знал я людей, утверждавших, что видели сами.
Но говорят, что ее изнасиловал в храме Минервы
Царь зыбей. И Юпитера дщерь отвернулась, эгидой
Скрыв целомудренный лик. Чтоб грех не остался без кары,
В гидр ужасных она волоса обратила Горгоны.
Ныне, чтоб ужасом тем устрашать врагов оробевших,
Ею же созданных змей на груди своей носит богиня".

Овидий «Метаморфозы», Четвертая песня

....А без малого сорок лет назад Эвриале долго искала, а потом нашла Каллиопу, но отнюдь не Москве, а в каком-то невзрачном городе на востоке огромной страны, ближе к северу. В поисках «идущей за царями» она ориентировалась по отсвету в хрустальном флаконе со стилосом и восковой табличкой, выгравированными на его лицевой стороне. Ее давно не удивляло, что флакон ни разу не сверкнул гранями возле трехэтажного здания литературного института на Тверском бульваре или в дачном поселке писателей на Николиной горе.

Принятая как данность литературного таланта «партийность в литературе» не только искажала внутренний мир писателей, но катастрофически сказывалась и на их душевном состоянии. Столичные соблазны, тут же становившиеся доступными, как только в своем творчестве человек хоть в чем-то отступался от собственной души, хоть в чем-то не договаривал или лгал – немедленно уничтожали слабенький отблеск вдохновения во флаконе с атрибутами Царицы Муз. Некоторые писатели, напротив, пытались «искренне верить», стараясь «проникнуться идеей», попутно гася души читателей неистовой приверженностью к ложным идеалам. И не столько в тех, кто писал гадости и строил свою карьеру на отрицании «завоеваний социализма», сколько в самых преданных апологетах «всеобщего равенства» Эвриале чувствовала разверзнувшуюся бездну предательства. Прежде чем кто-то предаст других, он непременно предаст самого себя.

По ночам, рискуя быть замеченной вездесущими гарпиями, она расправляла крылья и взлетала в темное небо, держа хрустальный флакон перед собой. Как только огромное море столичных огней внизу упывал на запад, флакон начинал озаряться неровными багровыми всполохами настоящей силы.

Днем на стареньких рейсовых автобусах она переезжала из города в город, глядя на серые деревеньки за окном, удивляясь, какую огромную страну создали люди, начавшие понемногу забывать о том, что на самом деле их объединяло. Она вглядывалась в их лица, на которых отражались ежедневные житейские заботы, и ей все больше хотелось увидеть, как начнут меняться эти люди, как расправятся их лица от мрачных мыслей, усталости и равнодушия, как сквозь кожу начнет теплым ровным светом пылать душа, отгоняя от себя гарпий.

Свет в колбочке становился все ярче, и с его все более продолжительными вспышками росло нетерпение Эвриале. Ей все больше хотелось узнать, какой будет новая Каллиопа? Где бы она ее не встретила раньше, на каком бы языке не говорила «шествующая за царями», - она ни разу не повторилась, каждый раз находя свои собственные оттенки в Прекрасном Слове, говоря о вечных вещах и непреходящих ценностях одной лишь ей присущей интонацией. Это поражало Эвриале больше всего.

На четвертый день своего путешествия с осмотрами достопримечательностей и ночных полетами с хрустальным компасом Эвриале оказалась в городе, где склянка больше не гасла. С ней она переходила от здания к зданию, остановившись возле ничем не примечательной средней школы в центре города. Склянка в ее руке вспыхнула так, будто хотела прожечь руку. Эвриале решила, что тот, кто ей нужен, скорее всего, работает здесь учителем литературы. Но, поинтересовавшись его личностью у завуча школы, она выяснила, что посреди года одна из лучших школ города испытывает трудности как раз с этим предметом, который сейчас кое-как ведут в период учебной практики студентки местного учительского института. Поэтому на следующий день она вошла в эту школу в качестве учительницы русского языка и литературы старших классов.

Вначале она ничем не проявляла себя, решив, что даст проявиться самой спящей сущности Каллиопы. Склянка вспыхивала лишь на уроках одного десятого класса выпускной параллели. Но, находясь в одном помещении с тридцатью галдящими юношами и девушками, она никак не могла понять, кто же из них станет новой Водительницей муз.

Эвриале долго готовилась, решив действовать наверняка, подловив Каллиопу на «предложении, от которого та не сможет отказаться» - на специально предназначенней для нее теме, касавшейся ее исконного ремесла – эпической поэзии. Как она уже поняла, именно этот жанр одинаково не любили как сами школьные учителя литературы, так и их ученики. Чтобы не вызвать излишнего любопытства своей «неестественной склонностью» к единственному жанру, на котором будущая мугла попасть в расставленную ей ловушку, она не торопилась и долго не задавала сочинений на дом, чему все ученики бурно радовались.

Она уже полюбила этих сообразительных мальчишек, гадая про себя, кто же из них сможет вынести сжигающий изнутри огонь Каллиопы. В человеческой оболочке его несли, как правило, мужчины. Было несколько всполохов и среди женщин, но в этой среде живого и очень чуткого языка, начавшего увядать от идеологического давления «партийности в литературе», поднять такую машину мог только незаурядный мужчина.

И вот однажды она вошла в класс, потратив все воскресенье на проверку сочинения, которое дети два урока писали накануне. Среди предложенных ею на выбор тем стояло намеренно провокационное название, на которое могла откликнуться лишь будущая Каллиопа: «Поэма В.В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин».

Как она и предполагала, большинство ее учеников выбрало свободную тему: «Подвиг советского народа в Великой Отечественной войне», которую большинство из них «раскрывало» сумбурным пересказом фильмов, снятых по мотивам произведений писателей-фронтовиков, сами книги почти никто из них не читал. Этого поколения уже коснулась стремительно разраставшаяся тьма недоверия книге, порожденная стремлением отравить лживой «партийностью» творческое начало человеческой души.

Проверяя сочинения, Эвриале уже теряла надежду, когда из множества однотипных сочинений взяла в руки до конца исписанную тетрадку, на которой вообще не стояло ни имени, ни буквы класса, ни номера школы. Но в тетрадке было именно то, что она много лет искала, переезжая из города в город, оглядывая поселки и деревни, поднимаясь в темное небо, держа перед собой призрачный огонек заветного флакона. Каждая строчка этой тетрадки уже заявляла свои права на золотую корону Каллиопы, еще до конца не поверившей в свою непобедимую силу.

- Мальчики, чья это тетрадка? – первым делом спросила Эвриале, войдя в класс. Она внимательно смотрела на мальчишеские лица, пытаясь определить, кто же из этих сорванцов исписал тетрадку неровным крупным почерком.

- Это не мальчуковая тетрадка, у нас это только вот она такое пишет! – сказал смешной полный паренек с последней парты, кивнув на девочку, сидевшую на третьей парте в среднем ряду.

- Это твоя тетрадка? – недоверчиво спросила девочку Эвриале.

- Это я писала, да, - неохотно призналась девочка, вставая.

- А почему твоя тетрадь не подписана? – окончательно растерялась Эвриале.

- А потому что я считаю это неважным, - ответила девочка, отчего-то оборачиваясь к мальчику, сидевшему сразу за ней, будто продолжая их давний спор. - Важно то, что в ней написано, а имя я считаю неважным. Мне вообще не нравятся ни имена, ни фамилии. Я считаю, что человек должен искать книгу, а факты биографии писателя для читателя уже неважны. Важно, настоящее это или нет.
- А что ты-то считаешь *настоящим*? – поинтересовалась учительница.
- Ну, такое... вневременное... вечное, то, что диктуется не наносной «партийностью в литературе», - усмехнулась девочка, и в глазах ее заплясали хорошо знакомые Эвриале веселые искорки.

Она уже все поняла, но еще глядела на девочку с глубоким состраданием. Сколько раз она видела искорки того божественного веселья, которое было способно разогнать любой мрак отчаявшихся душ, любую жизненную бурю, цеплявшуюся стальными когтями прямо в горло. Она слишком хорошо знала, что первыми натиск этой бури принимают на себя такие вот безумцы, считающие неважным «задачи построения нового общества», «воспитания нового человека», старающиеся доказать, что нравственные принципы не меняются не только с изменением исторических условий, но и со сменой сонма богов, в которых верят люди.

Встречая очередную Каллиопу, Эвриале с тихой благодарностью ко всем богам, в которых когда-либо верили люди, радовалась, что кое-что в этом мире оставалось неизменным, как, собственно, ничуть не изменились и сами люди после несчетных попыток «воспитания нового человека». Но ироничный взгляд этой девочки с умными зелеными глазами, спокойно шагнувшей

к ней от своей партии, еще не понимая, что принесет в ее жизнь золотая корона Каллиопы... вызывал одно острое желание - упасть головой на ее тетрадку и заранее оплакать ее незавидную судьбу. Впервые ей захотелось изменить своему предназначению и не дотрагиваться до флакона, прожигавшего карман бесформенного пиджака.

- Это как у Анны Ахматовой сказано... *Некоторым* непонятно, а мне нравится, - сказала девочка и, закрыв глаза, негромко прочла несколько строчек.

*Когда я ночью жду ее прихода,
Жизнь, кажется, висит на волоске.
Что почести, что юность, что свобода
Пред милой гостью с дудочкой в руке.
И вот вошла. Откинув покрывало,
Внимательно взглянула на меня.
Ей говорю: "Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?" Отвечает: "Я!"*

- Не пугайтесь, она у нас всегда глаза закрывает, как глухарь на току! – зло прокомментировал ее декламацию мальчик, сидевший за ее спиной.
- Расскажи всем, что ты написала в своем сочинении, - упавшим тоном предложила ей Эвриале.
- Я написала, что поэма Владимира Маяковского, безусловно, относится к жанру эпической поэзии. Но здесь мы видим своеобразный «прыжок во времени», - с улыбкой начала девочка. –

Маяковский решил не принимать во внимание уже созданные непревзойденные образцы этого жанра – поэмы Александра Сергеевича Пушкина «Медный всадник» и «Борис Годунов». Маяковский попытался сделать то, что до него так и не удалось Михаилу Васильевичу Ломоносову, незадолго до «Телемахиды» Тредиаковского, написавшему эпическую поэму «Петр Великий». Маяковский «перепрыгнул» через все достижения XIX века – к спору XVIII века о путях развития эпической поэмы, намеренно «не замечая», что этот спор был с блеском разрешен Пушкиным. Напомню, что Ломоносов считал, что героическая поэма должна правдиво повествовать о наиболее важном событии отечественной истории, в канонической форме, но с оригинальными приемами нового времени. В качестве такого приема он использовал александрийский стих, в отличие от русифицированного гекзаметра «Телемахиды» Тредиаковского.

Василия Кирилловича Тредиаковского намного меньше волновали вопросы государственного управления и укрепления государственной моци, чем титана науки и просвещения своего времени Ломоносова, в характеристике личности которого удержаться от античной аллегории.

В противоположность Ломоносову Тредиаковский отводил реальной истории служебное, подчиненное положение. Он утверждал, что чем отдаленее эпоха, изображаемая в поэме, тем свободнее будет чувствовать себя поэт в творческом порыве, не сковывая свою фантазию... достоверностью. И поэтому для своей поэмы выбрал «времена баснословные или иронические», ориентируясь на эпопеи Гомера, которые, по мнению Тредиаковского, не были и не могли быть созданы «по горячим следам».

Выбор сюжета определила и нравственная позиция Тредиаковского, считавшего, что все события реальной истории, прежде чем стать основанием эпопеи, должны откристаллизоваться в народном сознании, получить единую *нравственную оценку*. А преждевременная канонизация еще не забытых реальных личностей, навязываемая эпосом оценка реальным событиям – являлась, по его мнению, неэтичной. И это, согласитесь, было не лишено оснований. Баснословность героев, их действительная легендарность, с точки зрения Тредиаковского, должна была вначале оставить неизгладимый след в народной памяти, откристаллизовавшись в общее представления о них, их роли в судьбах своего государства, народа, эпохи, т.е. получить *нравственную оценку*.

Однако следует заметить, что ни Тредиаковский, ни Ломоносов – не снискали большого литературного успеха, а поэма Василия Кирилловича еще и подверглась осмеянию современников. Решиться воспользоваться их опытом мог лишь человек... твердо знающий, что идеологическая ценность его произведения – перевесит литературные достоинства. Он так и говорит... будто он представляет собой ЧК от эпической поэзии. Его лирический герой олицетворяет саму диктатуру пролетариата, атакующего общественный уклад.

*Я буду писать / и про то / и про это,
но нынче / не время / любовных ляс.
Я / всю свою / звонкую силу поэта
тебе отдаю, / атакующий класс.*

- По примеру Ломоносова Маяковский пользуется новыми средствами, создавая эпическое полотно афористичными рублеными фразами, отдававшими особой непререкаемой категоричностью, не допускавшей ни возражения, ни размышления, ни собственной внутренней работы читателя, - задумчиво продолжала девочка, открыв глаза после декламации. – Владимир Владимирович пользовался инструментарием очень мощного поэтического дарования... Но этот серьезный дар он использует, как... бандитский кистень, заявляя, будто приравнял перо к штыку. Хотя перо и берут в руки, чтобы штыком поменьше пользоваться.

По сути, своей поэмой он затыкает рот не только живым людям, переживавшим в это время достаточно тяжелые дни, но и всем, кто погиб в гражданской войне. А в таких войнах героев

не бывает. К тому же... все еще помнили недавние события, а покушение на Ленина свидетельствовало, что его деятельность воспринималась далеко неоднозначно. Маяковский написал эту поэму сразу после смерти Ленина как раз затем, чтобы его герой не получил со временем нравственную оценку всего общества, чтобы у потомков, к которым он обращается от себя лично, - осталась именно его оценка канонизированного героя. А это... как-то неэтично, наверно.

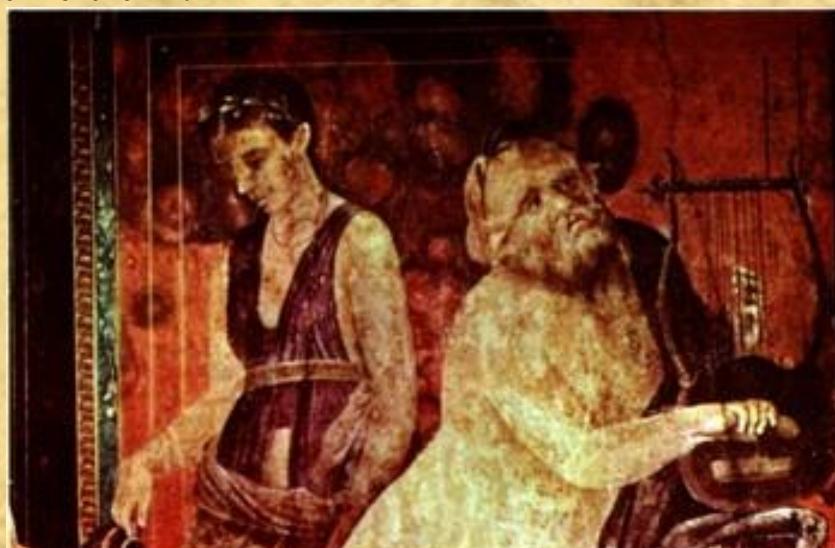
- Он доказывает, что его герой имел некую важную миссию, - говорила девочка ровным голосом, не обращая внимания на Эвриале, начавшую беспокоиться. - Это подчеркивается изобразительными средствами. В начале поэмы отдельными эпизодами подаются народные ожидания «солнцеликого заступника». Появляющийся затем Ленин сопровождаем солнцем, которое в русском фольклоре всегда включалось в символику Христа. Но, если взять эту его ассоциацию, то хочется спросить, а в чем так уж страдал Ленин в период своей эмиграции или гражданской войны? Почему-то только другие за его миссию страдали. А Христос только сам пошел на крест, один. И он никогда не призывал ни у кого отнимать достояние силой, он говорил, что каждый может поделиться, но лишь добровольно.

– Нами / к золоту / пути мостите.
Мы родим, / пошлем, / придет когда-нибудь
человек, / борец, / каратель, / мститель!

- А что за идея, когда строится общество, когда ни у кого не должно быть частной собственности? Это общество рабов, что ли? Может, монахов в веригах, не имеющих личного достояния? При этом ежедневно подчеркивается «растет благосостояние советских людей», - так, значит, мы все дальше уходим от этих «идей»?..

И эти вопросы показывают, что автор поэмы сам плохо понимал происходящее, но считал возможным для себя канонизировать идеи, причем, в форме, отрицавшей любое обсуждение, - обвиняющим тоном сказала автор анонимной тетрадки. - Обозначенная в поэме ленинская функция заступника, мессии, сопровождаемого солнцем, сравнение «вожака пролетариев» с Христом, делает образ героя поэмы как агиографический. То есть сама эпическая поэма приближается к классическим образцам этого жанра – к мифологии.

Как только ее одноклассники услышали слово «мифология», в классе началось некоторое брожение: девочки в изнеможении закатывали глаза, мальчики делали вид, что устраиваются поспать, лишь ее сосед сзади сидел прямо, невозмутимо глядя перед собой. Но как только она начала говорить, движение прекратилось, весь класс с интересом приготовился слушать ее «мифологические» пояснения.

- Поэма Маяковского написана в форме «Жития святых», чтобы доказать не только святость главного героя, но и его исключительное право на власть, легитимность и предопределенность его прихода к власти, чем отрицалась сама реальная история, - невозмутимо продолжила девушка. - Можно по всякому относиться к политическому мифотворчеству, уничтожающему нравственную основу мифа, ради которой люди раньше и слагали легенды. Но в данном случае... миф слагается ради... свежего трупа... и прямо по свежим трупам гражданской войны, которая чуть не привела к развалу страны. А Маяковский выступает с такими безразмерными нравственными оценками, что оправдывает и Брестский мир, который в этот момент вызывает особый стыд, ведь даже сам Маяковский называет это – «похабным Брестом». Конечно, многие постыдные вещи можно приписать «мудрости» и «прозорливости», но... из них и прорастают будущие войны.

*Возьмем / передышку похабного Бреста.
Потеря – пространство, / выигрыши – время. –
Чтоб не передохнуть / нам / в передышку,
чтоб знал – / запомнят удары мои,
себя / не муштровкой – / сознанием вышиколи,
стройся / рядами / Красной Армии.*

- Раньше главным героем эпоса становил правитель с неподвергаемым сомнению божественным происхождением, а нравственность его образа проявлялась в уходе от власти. Таким был миф о Гильгамеше. В миф о Геракле уже встает вопрос о справедливости престолонаследия. Там Геракл вынужден подчиняться заурядному брату, занявшему престол из-за козней богини Геры. На протяжении всей истории человечества актуален вопрос о том, насколько справедливо, когда человек заурядный – управляет людьми, многие из которых обладают куда более выдающими способностями? Как такой человек должен ограничить собственную власть, чтобы не нарушить ее нравственного смысла? Маяковский решает этот вопрос на примитивном уровне лести прожженного царедворца, доказывая, что Ленин пришел к власти по простой причине – он заведомо был самым гениальным. При этом он с восточным витийством подчеркивает свою особую искренность, отмечая, что в детстве не выносил ложь.

*Проживешь / свое / пока,
много всяких / грязных ракушек
налипает / нам / на бока.
А потом, / пробивши / бурю разозленную,
сядешь, / чтобы солнца близ,
и счищаешь / водорослей / бороду зеленую
и медуз малиновую слизь.
Я / себя / под Лениным чищу,
чтобы плыть / в революцию дальше.
Я боюсь / этих строчек тыщи,
как мальчишкой / боишься фальши.*

В его поэме Ленин - умнейший из всех умнейших, а сам лирический герой – самый правдивый из всех правдивых. Как доказательство этой правоты приводится реакция малограмотного представителя народа, который «понял все», как только услышал Ленина. Но Маяковский не может привести более существенного признания «гениальности» самого героя – от лица известных ученых, философов, промышленников или инженеров. То есть перед нами типичная ситуация из мифа о Геракле, когда заурядность, возвеличенная серостью, глумится над теми, кто «не понимает» собственной «миссии», вынуждая их совершать разного рода «подвиги». Пусть даже эти подвиги навсегда прославили имя Геракла, но в них присутствует

некоторая ущербность: Геракл совершил их не из необъективной необходимости, не по собственному душевному порыву, а по приказу измывавшегося над ним Еврисфея.

Миф о Геракле не теряет актуальности, поскольку постоянно возникает нравственный вопрос о том, насколько *справедлива* власть *обычного человека*, вознесшегося на вершину власти по воле богов?.. Геракл не пытается свергнуть Еврисфея, выражает одно существенное требование к преемственности власти: большинство людей вовсе не желает социальных потрясений, поэтому считает нравственнее придерживаться установленного порядка престолонаследия, что нарушает герой поэмы Маяковского.

И хотя в поэме всячески подчеркивается, что Ленин - не христианский мессия, он выступает как мессия нового типа, ставший вождем народа в силу «исторической необходимости». Вместо «царственности и божественности» он наделен особыми личными и деловыми качествами, позволяющими ему успешно функционировать в роли современного властителя. Все теряются в догадках, что предпринять, но выходит Ленин – и решение тут же находится! А то, что находить выходы ему приходится из тех ситуаций, куда он сам всех загнал, - такого автор поэмы предпочитает не говорить. Ну, что это за «герой», если до него никаких особых трудностей не было, а при нем начались одни судорожные «преодоления»? Как-то до него в России народ сам кормился, а при нем вдруг трехразовое питание стало – «непреодолимым препятствием»!

Как святой Ленин являет нам в поэме несколько ипостасей, характерных для моделей поведения житийной литературы, представая поочередно: учителем, чудотворцем, мучеником. Однако натянутость этих моделей для «реальной основы образа», когда большинство живущих имеет о Ленине свое мнение, настолько велика, что провалы в восприятии цементируются химерическим образом партии.

Конечно, никому больше не нужны цельные герои, без подпорки за спиной... некой разбойничьей ватаги. Против нее и пикать бессмысленно, там твой голосок никто и не услышит, ежели с чем не согласен.

Хочу / сиять заставить заново
Величественнейшее слово / «ПАРТИЯ».
Единица! / Кому она нужна?!
Голос единицы / тоныше писка.

Кто ее услышит? – / Разве жена!
 И то / если не на базаре, / а близко.
 Партия – / это / единый ураган,
 из голосов спрессованный / тихих и тонких,
 от него / лопаются / укрепления врага,
 как в канонаду / от пушек / перепонки.

Химера партии согласно канонам агиографической литература оказывается «земной супругой Ильича», «щерковью», «его семейным телом, созданным им самим», «преемницей и воплением вождя», в конечно счете – залогом его бессмертия.

Партия и Ленин – / близнецы-братья –
 кто более / матери-истории ценен?
 мы говорим Ленин, / подразумеваем – / партия,
 мы говорим / партия, / подразумеваем – / Ленин.

В этой поэме мы, пожалуй, впервые сталкиваемся с извращенным соединением эпоса и агиографии. Это извращение не только в том, что исключительная сущность «и сына и отца революции», особая роль вожака масс, - с большой долей цинизма совмещается с человеческой простотой, человеческой душевностью, а главное – соборностью народного сознания. Соборность, как заведомо религиозная черта народного сознания в контексте русской культуры, подается одним из основных достоинств героя поэмы, решившего поделиться властью с единомышленниками, объединенными в партию. Но ведь такое уже было не раз, здесь ничего нового и «исторически предопределенного». Как раз создание такого «партийного окружения» отрицает соборность.

Плохо человеку, / когда он один.
 Горе одному, / один не воин –
 каждый дюжий / ему господин,
 и даже слабые, / если двое.
 А если / в партию / сгрудились малые –
 сдайся, враг, / замри / и ляг!
 Партия – / рука миллионопалая,
 сжатая / в один / громящий кулак.
 Единица – вздор, / единица – ноль,
 один – / даже если / очень важный –
 не подымет / простое / пятивершковое бревно,
 тем более / дом пятиэтажный.
 Партия – это / миллионов плечи,
 друг к другу / прижатые туго.
 Партией / стройки / в небо взмечем,
 держа / и вздымаая друг друга.
 Партия – / спинной хребет рабочего класса.
 Партия – бессмертие нашего дела.
 Партия – единственное, / что мне не изменит.

Извращение понятий этим не заканчивается. До Маяковского эпос использовался, чтобы в каждом пробудить такого героя, а в правителях – пробудить желание хоть в чем-то быть на них похожими. Здесь сразу говорится, что Ленин сам по себе лишен каких-либо недостатков, а все сделанное им – выше всякой человеческой критики. Но основой изучения жития святых и мифологического излучения исторических фактов, имевших место в недавней

действительности, является не столько доказательством святости героев агиографии, сколько объяснением, каким образом они достигли просветления. Жития святых, как и эпическая поэма, обращаются к душе каждого, пытаясь пробудить нравственное начало.

В поэме «Владимир Ильич Ленин» на косвенных сопоставлениях главного героя с Христом – вообще перечеркиваются все прежние нравственные ориентиры, дается понятие о неком «коммунистическом святом», имя которого «каждый крестьянин//в сердце вписал любовней, чем в святцы». Но у нас в классе многие – внуки тех, кого сюда сослали при раскулачивании, так что у первых читателей его поэмы было время убедиться в практической пользе такой образности.

- Вообще-то литература и в самых циничных рассуждениях погрязших в пороках персонажах дает читателю нравственный выбор, - с чувством сказала девочка, - а эта поэма его уничтожает, она с этой целью и написана. Литература позволяет каждому осуществить мечту о подвигах и славе, о захватывающих приключениях, просто потому, что всегда пишется из убеждения, что ее читатель... изначально нравственный человек, по своей природе не склонный к злу, но способный его совершать под дурным влиянием. А здесь, что? Поэма написана из желания доказать, что все читатели, не имеющие партийного билета, должны «лечь и замереть», потому что все они – заведомо хуже ее главного героя, им все надо себя «под Лениным чистить». А я думаю, что нам еще доведется узнать, в каком борделе Ильич проспал первую русскую революцию, как это в 1905 году его «солнцеликость» подкачала...

Сосед девочки, которого она поначалу приняла за автора тетрадки, с грохотом хлопнул крышкой парты, и спохватившаяся Эвриале оборвала юную докладчицу: «Спасибо, пять! Давай дневник!»

В дневник она вложила записку с адресом комнаты, которую снимала в доме у железнодорожного вокзала, пояснив: «Придешь ко мне после уроков, надо твое сочинение на городской конкурс подготовить!»

Раздался звонок, все дети вскочили со своих парт и побежали из класса, воспользовавшись замешательством учительницы, чтобы не получать домашнего задания. Эвриале еще сидела, глядя в окно, опустошенная тем, что услышала, но еще больше – тем, что она увидела в будущем этой маленькой музы. В этой ситуации от нее уже ничего не зависело. Пока довольная собой докладчица собирала вещи, на пасмурном небе на минутку выглянуло солнце. И Эвриале увидела, как в темных волосах девочки золотом сверкнула корона несчастной Каллиопы.

От унылого пейзажа за окном ее заставил оторваться ломкий юношеский баритон: «Извините!» Она обернулась, увидев перед собой поначалу понравившегося ей мальчика. Он в нерешительности топтался у доски и явно дожидался, когда все покинут класс.

- Ты что-то хотел спросить? – мягким контральто помогла она ему начать разговор.

- Нет, я хотел сказать, что вам не нужно писать на нее донос, - твердо выдохнул паренек, предварительно убедившись, что их никто не слышит. И как только ее глаза потеплели, он с такой же безапелляционностью веско добавил: «Я сам дедушке обо всем расскажу! Мой дедушка здесь главный генерал КГБ!»

Эвриале давно не испытывала такой боли. Будто получила удар наотмашь, в наивной беспечности сделав шаг навстречу красивому юноше. Еще испытывая

потрясение от неожиданного выступления будущей Каллиопы, она даже не подумала, насколько серьезные и далеко идущие выводы могут сделать слушавшие их дети. Еще не просыпалось ни одной золотой песчинки, но, похоже, Каллиопа уже начинала платить за свой дар, без которого никто из них не сможет сохранить душу.

- А твой дедушка часто сейчас сидит в темноте? – тихо спросила юношу Эвриале, сразу поняв по посеревшему лицу мальчугана, что попала в самую болезненную точку. – А ты слышишь, как он с кем-то разговаривает, да? И всегда сердится, когда ты входишь к нему без стука? Тебе тоже не терпится погрузиться в такую тьму, малыш?

- Откуда вы знаете? – сказал мальчик, но Эвриале уже нисколько не обманывала его мнимая беззащитность.

- Неважно, откуда. Но я знаю и о тебе, это ведь намного важнее. Ты уже сделал свой выбор, хотя знаешь, что выбор этот не совсем соответствует твоим желаниям. И хотя ты сам предал их, ты считаешь, что та, симпатии к которой ты стыдишься, виновна в твоем выборе, – насмешливо ответила она, уже приходя в себя от удара. - Я хочу сообщить тебе радостную весть! Твои сегодняшние желания вскоре исполнятся! Ведь завтра ты будешь иметь то, о чем сделал выбор сегодня, считая, что «до завтра надо еще дожить».

Она внимательно рассматривала его лицо, по которому сложно было сказать о тех чувствах, которые он переживает. Совсем еще мальчик, он пытался вести себя расчетливо, как древний старик, не лишенный страсти молодости. Перед ней калейдоскопом стали возникать картины его наиболее вероятного будущего, к которому он сейчас изо всех сил строил мосты. И Эвриале на секунду усомнилась, что она хоть что-то понимает в этих людях.

Девочка, рассуждавшая об эпической поэзии так, будто вдохновение всех прежних авторов прошло через ее сердце, представляла море колыхающихся знамен, победные крики в едином душевном порыве благодарности ко всему сущему, в любви ко всем живущим. А этот мальчик представлял аккуратные и полные материального достатка светлые картины своего будущего, огражденного от всех сложностей окружающего мира.

Она вспомнила хорошенкую девочку, явно скучавшую во время выступления Каллиопы. Мелкие невыразительные черты лица, прозрачные глаза без мыслей и чувств – в ней с лихвой компенсировались каким-то особым умением одеваться и подать себя. Он не мог не видеть душевной пустоты и недалекости юной чаровницы, но именно ее она увидела в его тщательно отредактированных мечтах, где он намеренно уничтожал все искренние движения собственной души. Еще не начав жить по-настоящему, он даже в мечтах делал поправку на то, чтобы иметь в жизни лишь только те вещи, о которых мечтает «подавляющее большинство».

А большинство мальчиков в классе, предпочитавших не прислушиваться к рассуждениям об эпической поэзии, в свою первую весну просыпавшихся желаний были влюблены в девочку с красивыми глазками без единой мысли, длинным стройным ножками и тщательным «художественным беспорядком» в легких локонах. Стоявшему перед Эвриале юноше от жизни надо было именно то, чего хотели все эти недалекие мальчики в своих лихорадочных мечтах. Он уже знал, что многим нанесет душевную рану, заставив девушку предпочесть его. Она видела как, пометавшись испуганной птичкой, девушка смирятся перед золотой клеткой, сделав нужный ему выбор, войдет в его семью. Она никогда его «не опозорит», сказав при всех нечто такое, о чем следовало бы немедленно сообщить дедушке, боясь войти в его темный кабинет.

Эвриале горько усмехнулась. Что ему уроки литературы, если он воспринимает весь рассказ о жизни души на уровне преподавателя мертвого греческого языка Беликова, «человека в футляре» из рассказа Чехова? Да, от его избранницы вряд ли можно ожидать, что она «скажет лишнего», ее слова будут полны житейских забот, *безопасными*. Но Эвриале видела, что с ней в его жизнь войдет и безумие вакханки, способной вырвать сердце Орфея. Говорить ему об этом было бессмысленно, он уже предпочел любви - страсть, потому что желание брать давно переселило в нем желание отдавать. Этот выбор каждый человек делал незадолго до того, как начинал учиться говорить, а она привыкла уважать любой выбор.

Душа еще плотным чулком сидела на нем, защищая от самых опасных его желаний. Между ее светящимся покровом и чистой кожей этого мальчугана еще никто бы не смог просунуть свой ухоженный перламутровый коготь. Душа еще не верила, что он навсегда откинет то, к чему она стремилась, откинет саму мысль о собственной жизни, собственном пути, полном взлетов и падений, взяв за основу только то, о чем мечтало усредненное большинство.

- Хочу заметить, - сказала она мальчику, смотревшим ей прямо в глаза с почти нескрываемой ненавистью, - что как только ты еще раз захочешь причинить за свой выбор боль тем, кто говорит искренне, кого ты посчитаешь в чем-то виновными перед собой, так тьма из дедушкиного кабинета поглотит тебя навеки. Ты же выносишь им обвинительный приговор за их мысли и поиски истины. Вряд ли ты понимаешь, что только эти мысли и поиски истины стоят на пути этой тьмы. Больше тебя ничего от нее не защищает! Ведь все, что твой дедушка делал с другими, он делал ради тебя! Они все так и думают, когда мучают других, говоря вслух, будто делают это «ради народа». Нет, они это делают ради собственных детей и внуков, не понимая, что превращают их в заложников.

- Вам не удастся выкрутиться, не старайтесь! – с легким презрением ответил он на ее бесплодную попытку обратиться к его душе.

- Давай договоримся с тобой таким образом, примиряющим тоном попыталаась успокоить его юношеский пыл Эвриале. – Если ты будешь вести себя как мужчина, не желая нанести вред ничего не подозревающей девушке, делая свои гадости тайно, за ее спиной, - ты остаешься... таким, как сейчас. Как только ты решишь стать таким, как твой дед, считая себя вправе казнить и миловать за чей-то образ мыслей, ты, во-первых, сразу забудешь о нашем разговоре, во-вторых, навсегда забудешь обо мне и то, о чем собирался донести. Но твой выбор будет окончательным и бесповоротным, вернуть «все как было» будет невозможно, это лишь в глупых сказочках бывает. Ты сам и абсолютно добровольно расстанешься с тем органом чувств, который затронул наш сегодняшний урок. Жалеть о нем нечего, он тебе и так мешает. Ты почувствуешь, когда этот орган чувств сползет у тебя к подошвам, чтобы... гм... кое-кому было удобнее тебя от него освободить.

- А почему это я должен с ней расставаться? Я наоборот спасаю души других! Это она всем тут орет, будто можно жить... так, – возразил парень, отлично понимая, о чем идет речь.

- Это – «крик Каллиопы», - с улыбкой отметила Эвриале. – Она ведь на самом деле говорит негромко, но крик слышат только те, чьей душе угрожает серьезная опасность. Но уже все восстает против ее крика внутри, да? Хочется прихлопнуть ее мухобойкой? Это потому что болит душа, отделяемая от тела, ты начинаешь чувствовать эту боль, невыносимую жалость к самому себе, зависть к тем, кто старается сохранить свою душу. Помнишь строчки Николая Заболоцкого?

*Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!*

- Никакой души нет! – запальчиво ответил паренек на ее декламацию.

- Конечно, никакой души нет, есть лишь набор «идей», которые содержатся в мозгу – внедренные или благоприобретенные, - насмешливо сказала Эвриале. – Так чего ж ее жалеть? Ты должен понять, что у тебя совсем иная ситуация, чем у твоего деда. Он ведь свою душу отдал по договору, его родители не пользовались благами бездуховного существования, они были верующими людьми. За его душой явился тот, кто такие договора отслеживает. А ты и твои родители... просто уже пользовались плодами этого договора. Но ты же целиком деда поддерживаешь, а ты вот ему на съедение решил сдать юную особу за ее удачное выступление на не самом важном предмете. А в том договоре, между прочим, сказано, что любая совершенная в его рамках душа становится «подножным кормом».

- Это несправедливо! – вновь с излишней горячностью ответил он.

- А кто в этих делах руководствуется «справедливостью»? – пожала плечами Эвриале. - Справедливым, наверно, было то, что ты-то, в отличие от многих, видел с кем дед в темноте говорит. Ты даже штудировал этот предмет специально.

- Скажите, а в этой вашей мифической иерархии есть возможность стать кем-то... вроде кентавра? – с усталостью спросил мальчик, садясь перед ней на парту, будто его не держали ноги.

- Да кем угодно еще можно стать в твоем нежном возрасте! Правда, гораздо легче и безопаснее не стать никем, - окончательно развеселилась Эвриале. – Это лишь кажется, что время метаморфоз прошло. Но пока кто-то думает, кем же ему стать, история превращений продолжается. Но это история превращений не внешних, а внутренних! На что ты хочешь потратить свою душу, которая «едва жива в теле держится»? Все-таки русский язык – удивительный! Какой точный образ в этой поговорке! Слушая наш разговор, ты испытал страх, но считаешь, что его причиной является твоя одноклассница. А сам боишься того, что скрывается в темноте дедушкиного кабинета, куда тебе надо пойти с доносом. Согласись, как-то нелогично. Но при этом ты считаешь, что душа мешает тебе поступать разумно и логично. Потом еще не раз убедишься, насколько безрассудным становится человек без души. Разве твой дед не выглядит иногда полным идиотом? Я же видела, как ты морщился, когда мы читали «Человека в футляре». Какой чудесный рассказ!

Она раскрыла лежавший перед ней томик и зачитала, смакуя каждую строчку. Слушая ее, мальчуган все больше мрачнел.

Теперь, когда он лежал в гробу, выражение у него было кроткое, приятное, даже веселое, точно он был рад, что наконец его положили в футляр, из которого он уже никогда не выйдет. Да, он достиг своего идеала!

...Признаюсь, хоронить таких людей, как Беликов, это большое удовольствие. Когда мы возвращались с кладбища, то у нас были скромные постные физиономии; никому не хотелось обнаружить этого чувства удовольствия, — чувства, похожего на то, какое мы испытывали давно-давно, еще в детстве, когда старшие уезжали из дома и мы бегали по саду час-другой, наслаждаясь полною свободой. Ax, свобода, свобода! Даже намек, даже слабая надежда на ее возможность дает душе крылья, не правда ли?

Вернулись мы с кладбища в добром расположении. Но прошло не больше недели, и жизнь потекла по-прежнему, такая же суровая, утомительная, бесполковая, жизнь, не запрещенная циркулярно, но и не разрешенная вполне; не стало лучше. И в самом деле, Беликова похоронили, а сколько еще таких человеков в футляре осталось, сколько их еще будет!

- Когда будут хоронить твоего дедушку, все испытают не горечь разлуки, а нескрываемое облегчение. Твои похороны тоже не будут грустными, а твои три жены передерутся из-за твоего наследства, твои детям ничего не достанется, но для них останется надежда, - «утешила» его Эвриале. – Так ведь ты-то хотел стать вовсе не кентавром Хироном, воспитателем героев. Ты позавидовал той полутище, которая возле твоего деда кормится. Я правильно угадала?

Он лишь кивнул головой, понимая, насколько нелепым выглядит его желание со стороны.

- Гарпий ты стать не можешь, хотя они постоянно стараются расплодиться, - совершенно серьезно сказала Эвриале. - Это бессмертные существа, в отличие от муз, сирен, кентавров и сатиров. А вообще-то в духовном мире поддерживается равновесие: девять муз, пять гарпий и три сирены посередке. Музы сохраняют душу, помогают ее становлению, а для гарпий душа является кормом, это

похитительницы душ. Сирены действуют двояко: с одной стороны, они призывают души к гибели, с другой стороны, они живут атмосферой духовной жизни, в чем-то ее неминуемо укрепляя, хотя бы давая веру на уровне «*душа у человека есть, это нечто до ужаса реальное*». Да и зовут-то они к потусторонней жизни...

- Н-нет, я имел в виду *другого*... того, кто убил вашу сестру! – с усилием выдавил из себя он.

- А он у нас такой один и своим местом не пожелает делиться ни с кем. В этом все ошибки, которые он совершил, так и не добившись успеха, когда имел храмы и вполне официальное поклонение. Он так любит посещать Тартар, всю дорогу глумясь над душами тех, кто ему служил, но каждый раз покидает ледяные чертоги разочарованным – место занято! Он не стал своим среди прежних богов, служа лишь вестником их воли, – сухо сказала Эвриале, вновь поражаясь жестокости юношеского максимализма. – Он непременно сделает попытку прорваться со своими «*идеями*» в этот мир, а ты с легкостью предашь нынешние «*идеалы*» ради его примитивных принципов обмана и стяжательства. Но его маленькая проблема в том, что он сам... души не имеет. Как и гарпии! Это такая разрушительная стихия, которая никогда не может найти «*полного счастья*», а любое удовлетворение страсти – непременно обрачивается пустотой. Ты это еще испытаешь в полной мере, не торопись!

- Вы нарочно меня унижаете, – с ненавистью ответил юноша.

- Это не так. Хотя я разочарована, признаю, – с тяжелым сердцем ответила Эвриале. – На самом деле, я думала, что именно ты окажешься той, кого я ищу.

- «Музом», что ли? – пошутил он.

- Ее воплощением! – с горячностью парировала Эвриале. – Она ведь находится не снаружи, а внутри, она как раз живет в душе, двигая ее на достойные свершения, на творчество, а не на разрушение. Твой дедушка сам пожелал не работать, не создавать, а разрушать, уничтожать. Ради чего – дело десятое, но вначале он отказался создавать что-либо полезное.

- Хорошо, я буду молчать, – насмешливо сказал мальчик.

- Я очень на это надеюсь, – спокойно ответила она.

- Но мне кажется, вы в ней ошиблись, она ничего не сможет, – сказал он, явно желая причинить ей дополнительную боль.

- Ты опять неправильно понимаешь. У нее ведь другая задача, весьма неблагодарная, далекая от всех сокровищ материального мира. Она должна помочь удержать души над пропастью. За такое... даже не благодарят, считая, что все сделали сами. Такое никто и не помнит, как правило. Она просто не даст кое-кому сделать кое-что, – ответила Эвриале, показывая ему всем видом, что разговор закончен.

- А что будет с ней самой? – тут же спросил он, поднимаясь с парты.

- Ничего хорошего, с твоей точки зрения, – сказала Эвриале, с грустью глядя в окно, где в быстро сгущавшихся сумерках опять повалил снег. – Золотых гор я ей обещать не могу, я же не он.

- А мой дед имеет все! – выкрикнул мальчик в ее спину.

- Что он имеет впридачу, ты видел, – с нескрываемым презрением ответила Эвриале. – А почему ты не расскажешь о нем всему вашему классу? Ведь о нем все равно расскажет эта глупышка, которую ты выбрал, решив, что «*можешь иметь все*». А-а... вот оно что! Ты не хочешь, чтоб все от тебя отвернулись, перестали с тобой говорить. «*Реакция будет неоднозначной!*» – как говорит твой дед. Вернее говорил, сейчас он ведь и с вами перестал говорить, вы ему неинтересны, как все живые, он зашел за грань.

Она отвернулась от окна и подошла вплотную к мальчику, который понял, что не может сдвинуться с места. Наклонившись к самой его щеке, она тихо зашептала, обдавая его горячими волнами своего дыхания: «*Почему ты не разгромил ее на уроке с идейной точки зрения? Почему ты подошел ко мне? Ты бы сделал этот шаг в дедушкин кабинет и без меня, но понял, что перед этим, надо что-то сделать с самим собой, окончательно и бесповоротно. Ты сейчас пытаешься выгадать побольше для себя, хочешь, чтобы я начала о твоей душе торговаться. Но это не в моих правилах!*»

Она опять отвернулась от него, и он понял, что может двигаться и говорить. В полной растерянности он спросил: «Так какой выход?..»

- У тебя их два, оба пока открыты, - ответила она, не оборачиваясь. - Но скоро один закроется. За все надо чем-то платить – работой души или ее... отсутствием. Всего тебе доброго! Иди!

* * *

Открыв дверь, Эвриале приложила палец к губам, показав на двери большой коммунальной квартиры, где она снимала комнату. Они на цыпочках прошли в комнату перед кухней, на которой зло шипели друг на друга две женщины. Одна развесивала детские ползунки над газовой плитой, где вторая пыталась жарить картошку на открытой сковороде. Капли с ползунков подали ей на картошку, а вторая дама советовала накрыть ей сковороду крышкой. Когда Эвриале с гостьей входили в комнату, женщины прекратили перепалку и вышли из кухни, рассматривая новую жилицу и ее визитершу.

- Очень неприятные особы, я их боюсь! – призналась Эвриале, и в ее глазах запрыгали веселые искорки. – Сейчас они станут дожидаться, что я выйду к ним на кухню что-то готовить. А как раз этого они от меня не дождутся, потому что сегодня мы устроим себе настоящий пир! Хотела поинтересоваться, а ты никогда не думала стать... царицей?

- Хороший вопрос! – засмеялась гостья. – Особенно он уместен, когда все вокруг строят коммунистическое общество.

Она сняла пальто и шапку, присела к столу, занимавшему большую часть комнаты. Эвриале молчала, сжимая хрустальный флакон, дожидаясь ее ответа. Флакон нетерпеливо вздрагивал в ее руке готовый взорваться золотыми искрами.

Понимая, что хозяйка комнаты ждет от нее более определенного ответа, девочка кивнула головой и сказала: «Хотя, да! Очень хочу быть царицей! Сливаться с коллективом откровенно не люблю... несмотря на то, что за такое отсталое мировоззрение можно вылететь из комсомола. А меня туда и так взяли только с третьего раза».

Эвриале щелкнула по лицевой грани флакона перламутровым ногтем, и время новой Калиопы пошло, тут же наполняя колбочку золотым песком. Эвриале раскрыла ладонь, и флакон, на минуту зависнув в воздухе, исчез.

- Здорово! – сказала очарованная его сиянием девочка, нисколько не удивившись.

- Это флакон из часов моей старшей сестры Сфейно, – пояснила ей Эвриале, разливая чай. – У нее столько часов, что тебе будет даже сложно представить... А эти часы самые особенные, вынутая колба сразу же туда возвращается, как только... неважно! У меня тоже есть свои часы, как видишь.

- Ага, вижу, – вежливо сказала девочка, пытаясь скрыть свое разочарование. Кроме чашек и больших старинных часов с выдвижным ящичком на столе больше ничего не было.

- Ты неправильно поняла, – скрывая улыбку, заметила Сфейно. – Раз у нас появилась новая царица, то и ужин сегодня будет царским. Это особые часы! Ты сама-то для какой цели в царицы собираешься? Если честно и в первую очередь?

- Ну, если честно, – протянула девочка. – Если честно и в первую очередь, то я хотела бы попробовать всякие там королевские пирожные. Которыми раньше могли лакомиться только царские особы. Да, если честно, то в первую очередь – из-за пирожных.

- Отлично! – сказала Эвриале и, строго глядя на часы, поинтересовалась: «Слышали?»

Часы вздрогнули, часовые стрелки на них побежали назад, в них что-то щелкнуло, ящичек внизу слегка выдвинулся. И, пока Эвриале, выдвинув ящичек, вынимала из часов розетки с засахаренной малиной, цукатами, орешками в глазури и особым подносом с шестью пирожными, механический голосок часов сообщил: «Пирожные, поданные Мартой Пфаль, хозяйкой местного трактира, в 1745 году князю Ханс Otto II во время посещения им Кронсберга!»

- Зашибись! – прошептала потрясенная девочка, принимая поднос с пирожными. – А трюфели будут?

Часы вздрогнули и проскрипели: «Трюфели от Пьера Эрме с нежнейшим муссом и карамелью! Из будущего века от поставщика английского двора!», выплюнув очередной поднос с шоколадными трюфелями.

- Пошли парочку Сфейно, - растроганно попросила Эвриале. – В честь новой Царицы муз! Чайный лист они доставили со двора китайских императоров династии Мин. Семнадцатый век, но близко к идеалу. Так что вечер обещает быть томным. На всякий случай предупреждаю, я – горгона!

- Здорово! – безмятежно изрекло юное создание. – Если бы вы знали, как я тоже хочу быть горгоной, чтобы превращать всех в камень. Есть у меня кандидаты на эту соровую процедуру.

- Не сомневаюсь, - рассмеялась горгона. – А я думала, что ты и горгоной хочешь стать из-за пирожных.

- Вы лучше мне скажите, как это теперь я буду музой, - охладила ее веселье девица.

- Для начала запомни, что горгоны никогда не были чудовищами, никого не превратив в камень! – заметила Эвриале.

- Обидно, - констатировала жующая девочка. – Значит, все о превращении в камень – клевета и гнусные инсинации?

- Примерно ухватила, - тяжело вздыхая, поддержала шутку Эвриале. – Когда-то своей красотой мы составили серьезную конкуренцию богиням. Особенно самой невзрачной – Афине. Ты же знаешь этот тип умниц, которые считают, что все им очень обязаны, да? В особенности, терпеть их занудность и откровенное пренебрежение косметикой. А ведь еще Платон говорил, что женщина без косметики, что пища без соли. Но я смеюсь, конечно. Просто мы, три богини сестры, одна из которых была смертной, - всегда были ближе к людям, намного тоньше чувствовали их. Тебя никогда не удивляло, что при убийстве Медузы, первым рождается крылатый конек – Пегас? Далее всегда говорится о музах, о даруемой ими творческой силе, но отчего-то о любом, кому удается овладеть душами и создать настоящее, говорят: «Он оседлал Пегаса!»

- Конечно слышала, - подтвердила девочка. – Есть библиотека мировой литературы... иметь ее – мое самое заветное желание. У моей соседки есть такая у родителей, она мне дает почитать. Там у всей библиотеки эмблемы – этот крылатый конек. Если бы я была царицей, то хотела бы, чтобы все мои вещи носили такую эмблему!

- Такую? – спросила горгона, протягивая ей кожаную сумку-клатч с золотым пегасом на застежке. – Бери, он теперь твой! Раньше он принадлежал герцогине Вестминстерской...

- Тоже из часов? – поинтересовалась девочка и рассмеялась на утвердительный кивок горгоны.

- Забрала, когда она не оправдала моих надежд, - пояснила она. - Природа творчества двойственная, без связи с горгонами помочь муз бесполезна. Мне не хочется погружать тебя в античные семейные дрязги, после которых ты иначе взглянула бы и на настоящее, ведь все вокруг лишь отражает то, что давным-давно предсказано в мифах, как щит бронзовый Персея. Мифы не ради одного развлечения передавали из поколения в поколение – как предсказание, а вовсе не забавную сказку о тех временах, когда боги покупали фрукты на рынке.

- А знаете, всегда чувствовала что-то такое! – с жаром ответила девочка. – У нас многие считают, что раз они сейчас пока живые, так намного умнее тех, кто умер! Поэтому могут обо всем судить с потрясающей легкостью! Но если бы сами не лгали самим себе, если бы сами могли творить подобные мифы, который бы захватывал так же. Вот сегодня вы меня спросили про поэму Маяковского, Это, конечно, очень лживый миф, от него веет невероятной жестокостью к мертвым. Но... из моего класса его вряд ли кто-то прочтет целиком, кроме меня. А в чем смысл мифа о горгонах? Чувствую там какой-то подвох...

- Творческие силы человеческой души поистине безграничны, - невесело улыбнувшись, продолжила Эвриале. - Беда горгон состояла в том, что некогда именно они были ближе всех к ее истокам. Не зря же и сын Медузы Пегас – выбивает копытом родники, многие из которых сами по себе делают человека поэтом. Музы уже намного дальше отошли от первобытной творческой силы души, в искусствах, которым они покровительствуют, появилось много условностей, отделяющих от них реальность. А настоящее, исконное искусство – это магия,

позволяющая менять лицо мира. Поэтому и мы с тобой сегодня не могли обойтись без маленьких чудес, недоступных простым смертным.

- Но ведь каждый может... писать стихи, например, - задумалась девочка. – Значит, каждый может, «попасть в струю», в чем-то внести изменения?

- Любой человек в чем-то меняет мир! А здесь... речь идет о начальной силе всех времен, которая является Словом, - подтвердила Эвриале. - Согласна, весьма опасно оставлять такой дар неразумным душам, которые здесь должны обрести зрелость. Но зачем лгать, будто чудовища - это те, кто нес в себе этот дар, останавливал время и исправлял все огрехи его использования?.. Столкнешься еще с парадоксом, что чудовищ снаружи не бывает, все они скрываются до поры до времени в человеческой душе.

- О, это ваш портрет? Как вы похожи! Вы изображаете Медузу? – спросила девочка, показывая на портрет у себя за спиной, который она увидела, повернувшись за чайником.

- Микеланджело Караваджо, сын архитектора Фермо Меризи и его второй жены Лючии Аратори, дочери землевладельца из городка Караваджо, неподалеку от Милана, - менторским тоном ответил девочке голос из чудесных часов. - Отец служил управляющим у маркиза Франческо Сфорца да Караваджо. В 1576 во время чумы умерли отец и дед, мать с детьми переехала в Караваджо. Первыми покровителями будущего художника были герцог и герцогиня Колонна.

Девочка хмыкнула, понимая, что и в этом приобретении горгона не обошлась без часов. Эвриале, неопределенно пожав плечами, покраснела.

- Это самый конец четырнадцатого века, а посмотри, какой реализм! – сказала она несколько неестественным тоном. - Пожалуй, даже прекраснее знаменитой мозаики в Дельфах, где в центре храма изображена голова Медузы без кабаньих клыков и прочих глупостей. В галерее Уффици хранится другая копия, где ее лицо обезображенено ужасом. Там она изображена с кустистыми бровями, зубы желтые. До того, как в ее волосах оказались черные гадюки, ее волосы были золотыми. Да и выглядит, будто старше лет на двести. Что ты о ней знаешь?

- Мне этот миф откровенно не нравится, - призналась девочка. - В нем какая-то недоговоренность, за которыми обычно скрываются подлость и предательство. То, что сказано о ней в «Метаморфозах» Овидия, уже бросает тень на Персея. Она была красивой девушкой, была жрицей в храме Афины, затмевая красотой саму богиню. Затем прямо в храм врывается Посейдон, овладевает Медузой, оскверняя храм. За этот грех Афина наказывает одну беззащитную Медузу, превращая ее чудесные волосы в гадюк, изгоняя из своего храма. Здесь, в первую очередь, возникает вопрос, как Посейдон смог пройти без помощи Афины в ее святилище? Да, собственно, никак. Ну и, второй момент. После этого сестры горгоны прятались с беременной Медузой, никто не знал, где они находятся, даже Гермес. Он

подсказывает Персею, что тот может узнать, где скрываются горгоны, украв единственный глаз у их родственниц – веющих грай. Мне вообще противно читать, как молодой человек в плаще-невидимке крадет единственный глаз у древних старух, чтобы узнать, где скрывается беременная женщина, оскорбленная и уничтоженная... И если никто, включая Гермеса не знал, где живут горгоны, то зачем врать, будто они всех обращали в камень, будто при этом нападали на всех и пили кровь? Хотя бы выбрали что-то одно: или в камень, или кровь. Отсутствие логики – первый признак «хитроумного» вранья.

- Тяжело же тебе придется! – вздохнула горгона.

- У нас в детском саду была книжка Корнея Чуковского, - продолжала девочка. - Мне тогда было странно, что из всех мифов этот замечательный детский писатель пересказал именно миф о Персее. Вот не о Геракле, не о Тезее, который убил Минотавра и спас своих товарищей из лабиринта с помощью нити Ариадны. А это ведь намного более благородная история, чем о Персее. Зачем малышей приучать с детства к подлости? На меня потом мальчик один напал с деревянным мечом, сказав, что меч ему дал Гермес, а что ему надо отрубить мне голову. С ним было говорить бесполезно, мне пришлось его отлупить.

- Медуза была смертной, но обладала сокрушительной силой, неподвластной никому, - грустно сказала Эвриале. - В ней была заключена древняя стихия, поэтому она была обречена. Никаким чудовищем она не была, да и ее головка приковывала взгляды изначально из-за своей красоты, в чем многие не желали признаться. Тебя никогда не удивляло, отчего это в мифе про Персея возле него крутится этот отвратительный торгаш Гермес? Он и меч приносит, он и свои крылатые сандалии дает. Такой добрый и обходительный, что лишь удивляет, как это бог стяжательства и ростовщичества обошел стороной двенадцать подвигов Геракла и не помог ни в чем Тезею, победившему Минотавра? Против слабой спящей девушки – он тут как тут! А против гидры даже пальчиком не шевельнулся. На вот, почитай словарь русского языка Даля, многое объясняет, между прочим. Ты сказку «Морока» читала? Запомни, все передается в языке, как и умение мыслить! Не надо думать, будто люди, жившие до вас, были поголовными идиотами, если у них не было кино и телевидения. Ты тоже увидишь много технических чудес в своей жизни, но запомни, что никто ради вас не станет устраивать мир иначе, он останется таким, каким и был, когда Даль описывал значение каждого слова. Так тебе нравится сказка «Морока»?

- Честно говоря, нет. Она скучная! – сказала девочка, у нее сразу заблестели глаза об одном упоминании о словаре Даля.

- Вот! – радостно закричала горгона, почувствовав в своей стихии. - Скука – один из смертных грехов, а они так называются, поскольку лишают душу свойственной ей силы. Я иногда думаю, что все эти убийства, которые Еврисфей заставил совершить Геракла, с провокационными обстоятельствами – изначально задумывались, чтобы обессилить душу героя. Ну, мне так кажется, могу и ошибаться. Итак, читаем, какой же смысл несет в русском языке слово «морока».

Она поднесла руку к ящичку часов, и те тут же выплюнули объемистый том, сообщив, что первое издание «Толкового словаря живого великорусского языка» Владимира Ивановича Даля вышло в свет в 1866 году.

- Вот, слушай! – горгона раскрыла томик на нужной букве и зачитала. - Это – морок, мрак, сумрак, мрачность, темнота и густота воздуха, марево, мгла, сухой туман, облака и тучи. Как бы поначалу – чисто климатические явления, вроде бы и не о чем сказочку сочинять. Но вдобавок это – мара, греза, обаянье. В других языках это еще называется «майя». Морока – это обморок, припадок, омраченье ума. А вот дальше уж в точности говорится о Гермесе: «Обойти кого морокой, мороком, морочить, обманывать хитростью, лукавством, лживыми рассуждениями, уверениями, каким-либо обманом чувств и обаяньем; отводить глаза». И стоит ведь лишь поинтересоваться его милой матушкой, чтобы понять все!

- А кто его мать? – поинтересовалась девочка. – Не помню, кстати, ни одного сообщения об этом любовном похождении. Зато в мифах говорится, что он воровал с детства, причем, даже у пастухов, которые его кормили. И еще во младенчестве пытался все наворованное сбыть на базаре.

- Чего точно не говорится в мифах, что... у него ледяные пальцы. Мы его за это называем «Холодец», хорошее русское слово. Его мать – горная нимфа Майя, морочившая путников, развлекавшаяся тем, что сбрасывала оступившихся в пропасть. Может, она – чудовище? Вовсе нет! Она – прекрасна и удивительна! И никто не помнит ее романа с Зевсом, но как-то ей удалось всех обмороить, заявив, будто Гермес – его сын. Но... к нему отношение тоже было всегда вымороченным. Знаешь, нигде не любят малолетних воришек. В Альпах Майя появляется в образе Ледяной Девы, никому ничего хорошего в жизни не сделавшей, а сама встреча с ней предвещает гибель. Представь себе, ее голова не убивает после смерти, хотя именно она любит украшать свой дворец замороженными статуями людей и животных.

- Ледяная дева, - я помню эти сказки! – воскликнула девочка.

- Да, все так и считают, что это «сказки», пока она не захочет новое чучело. А ее сынок – психопомп, «проводник душ». Знаешь, во многих религиях есть существо, дух, ангел или божество, ответственное за сопровождение душ умерших в иной мир. И это не сын Ночи – Харон, для уплаты которому мертвым клали обол под язык. Как там у Владислава Ходасевича?

*Сойдя в Харонову ладью,
Ты улыбнулась - и забыла,
Все, что живому сердцу льстило,
Что волновало жизнь твою.*

*Ты, темный переплыв поток,
Ступила на берег бессонный
А я, земной, отягощенный,
Твоих путей не превозмог.*

*Пребудем так, еще храня
Слова истлевшего обета.
Я для тебя - отставший где-то,
Ты - горький призрак для меня.*

- Скажи, зачем мертвым еще один проводник, доставляющий их в Тартар *лично*? Но ведь обычно им не служит символ биржевых торгов, верно? Скажу тебе сразу, он всегда завершает сделку, именно он следит, чтобы проданная душа, как товар, была доставлена к месту назначения. От него никому не укрыться.

- Ну и, дела! – потрясенно выдохнула девочка. – Вечер действительно становится томным... Но тогда и миф о Персее принимает совершенно иной смысл.

- А я о чем? – воскликнула горгона. - Тебе ведь тоже с детства говорили, что лгать – нехорошо? Еще как нехорошо! Любой обман – морока! Но Гермес – не только покровитель любой торговой сделки, он – бог воров и обмана. Он придает блеск и респектабельность любой самой гнусной сделке. А когда его называют «покровителем ремесел», то имеют в виду, что только способен продать их плоды. Любое лживое искусство, возведенное в ранг настоящего, - это его проделки, его морок, обман, туча без грозы, пронизанная страхом. Он со своей матушкой – величайшие мастера нагонять особый страх – «страх будущего», «страх перед жизнью». Морок в его исполнении – граничит с божественным обаянием. Стоит человеку отойти от безумного страха перед собственной жизнью, воспринимать ее с радостью и благодарностью перед всем сущим - как их власть исчезает.

- И как его можно победить? – деловито осведомилась юная муз.

любой самой гнусной сделке. А когда его называют «покровителем ремесел», то имеют в виду, что только способен продать их плоды. Любое лживое искусство, возведенное в ранг настоящего, - это его проделки, его морок, обман, туча без грозы, пронизанная страхом. Он со своей матушкой – величайшие мастера нагонять особый страх – «страх будущего», «страх перед жизнью». Морок в его исполнении – граничит с божественным обаянием. Стоит человеку отойти от безумного страха перед собственной жизнью, воспринимать ее с радостью и благодарностью перед всем сущим - как их власть исчезает.

- В нем очень много несуразного, все это лежит на поверхности и обо всем сказанном догадаться несложно. Только недалекие люди ставят хитрость выше настоящего ума, проявить который без совести невозможно. Его бы давно раскрыли, но... все покрывает его участие в подвиге убийства спящей Медузы, на которую нельзя было взглянуть, потому что не они с мамашей, а Медуза, дескать, убивала взглядом все живое. Как бы ведь все ему очень обязаны за избавление от такого чудовища! Как там у того же Ходасевича?

*Внимая дикий рев погони,
И я бежал в пустыню, вдаль,
Взглянуть в глаза моей Горгоне,
Бежал скрестить со сталью сталь.*

*И в час, когда меня с врагиней
Сомкнуло бранное кольцо, -
Я вдруг увидел над пустыней
Ее стеклянное лицо.*

*Когда, гремя, с небес сводили
Огонь мечи и ила гроза -
Меня топтали в вихрях пыли
Смерчам подобные глаза.*

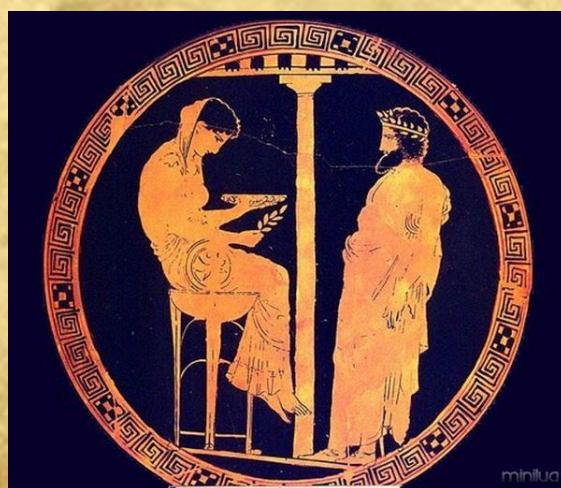
*Сожженный молнией и страхом,
Я встал, слепец полуседой,
Но кто хоть раз был смешан с прахом,
Не сложит песни золотой.*

- И никому, включая самого Ходасевича, слегка позавидовавшему Персею, невдомек, отчего до этого Гермес лгал всем, как и после этого, а в отношении Медузы он удивительным образом говорил чистейшую правду! Не договаривая, что в отражении ему было намного легче отвести глаза Персею, чем если бы тот сам, *собственными глазами*, посмотрел, на кого он поднял услужливо предоставленный меч.

- «Смерчам подобные глаза», - зачарованно прошептала девочка.

- Даже в отражении Персей не мог понять, кого же из сестер ему надо убить, Медуза ничем не отличалась от горгон, но, если бы он коснулся мечом бессмертных, он бы неминуемо погиб. Далее в мифе говорится, что герой услышал «божественный» голос, который подсказал ему: «Бей ту, что ближе всех к морю!»

- Подонок! – выдохнула девочка.

- Если посмотреть, предсказания Дельфийских оракулов, покровительствуемых Аполлоном, то можно видеть, что его смысл зачастую раскрывается лишь после того, как предсказанное свершится. А здесь... банально, прагматично, без обиняков. «Бей ту, что ближе всех к морю!»

- и человечеству навсегда перерубается божественная связь с Океаном. На мозаиках резвятся дельфины, но смысл картины уже ускользает, никто не понимает их свиста, целая стихия уходит из жизни людей, воспринимается лишь как враждебная слепая сила. Зато после этого «мороковать» приобретает значение «понимать», будто в мороке можно обрести новый смысл.

Вместо пифий повсюду погаными грибами плодятся знахари, колдуны, ворожеи, чье древнее имя – «морокун» или «морокунья». И морская птица с женской головкой и прекрасным голосом, звавшим к гибели, всегда звавшаяся сиреной, - вдруг получает новое имя «птица морокуша». Впрочем, намного печальнее, что баяны, сказители, - тоже вдруг стали называться «морокушами», «несущими морок». Ты потом убедишься, что многие технические средства лишь усиливают эту обморочную сторону убеждения. Положительные идеи, зовущие к свету, к преодолению препятствий в особых технических средствах не нуждаются, они есть в душе каждого. Правда, под давлением морока к ним иногда предпочитают не обращаться.

- Значит, он победил? И технический прогресс ему только на руку? – разочарованно спросила девочка.

- Не сразу, но все приходит в равновесие. На смену горгонам пришли музы, - ответила Эвриале. - Древнюю веру в группы «сестер» в энциклопедиях называют «остатками матриархата». На самом деле, это основа представления об окружающем мире от тех времен, когда достаточно остро стоял вопрос о... рациональности существования самого человечества. «Сестры» - олицетворяют как лучшие, так и худшие движения человеческой души, между которыми все же безопаснее сохранять равновесие. И как только вновь встает вопрос о существовании человечества, а он, поверь, встает отнюдь не потому, что люди становятся лучше, - так девять муз получают человеческое воплощение, пытаясь привести все в равновесие. У людей вообще особое отношение к самому понятию «сестра». Ведь и монахинь называют «сестрами», а в больницах служат «медицинские сестры», помогая больному преодолеть недуг.

- Значит, музы – Парнасские сестры, как их называл Овидий? – уточнила девочка. – Их еще называют Пермесские сестры в честь реки Пермес, стекающей с горы Геликон. В некоторых книгах утверждается, что музы обитают на берегах Пермеса.

Закрыв глаза, она тут же процитировала строчки из элегии Проперция:

*Песен своих я еще не черпал в источниках Аскры,
Лишь из Пермесса всегда воду давал мне Амур.*

- Есть девять муз, которые олицетворяют все творческие движения души человеческой души, - рассказывала Эвриале, пытаясь вспомнить, сколько раз она говорила это абсолютно разным воплощениям Каллиопы, с таким же жадным любопытством ждавшим очередного сюрприза от ее говорящих часов... и многие из них с легкостью забыли сказанное, как только память об их встрече стиралась временем. - «Круг обязанностей» муз значительно изменился с древности, поскольку человечество развивало искусства, овладевало новыми знаниями. В мифологии люди предложили множество вариантов появления муз, связывая их с человеческой памятью, которую в античности олицетворяла богиня Мнемозина. Это очень древние существа, они возникли сразу же, как только возникла память, а если есть память, то есть и прошлое. Но у Мнемозины никогда не было любовного романа с Зевсом, которого в мифах считают отцом муз. Есть жреческие свитки, где описывается, что музы зарождаются одновременно Хроносом. Если появляется дополнительное измерение - Время, то появляются музы, поскольку лишь они могут отследить непрерывность и связь времен.

Хоровод муз. Иллюстрация к «Сказаниям Греции и Рима» (1930 г.).

- У вас эта связь времен осуществляется самым выдающимся образом! – заявила девочка, запихивая в рот последний кусочек королевского шоколадного торта Роберта Ньюэнса, открывшего первую кондитерскую в Лондоне. – Сразу же понимаешь, какая эта важная связь!
- На здоровье! А то некоторые относятся к мифотворчеству, как к пустым сказочкам, так им и пирожных не достанется! В основе любого мифа всегда лежат некие события, имевшие большое влияние на мировоззрение людей, – продолжила свою мысль горгона, вопросительно посмотрев на часы, слишком долго не сообщавших о кондитерских достижениях всех времен и народов. – Под действием творческой силы человеческого мышления меняемся и мы. Это ведь... нечто вроде генного кода всего человечества, послание из прошлого, а не просто забавные сказки. Тебя никогда не удивляло, отчего это эпоха Возрождения практически целиком и полностью посвящена возвращению именно к идеям античности, к тем аллегориям, причем, в рамках средневековой холастики?
- Вообще-то удивляло, да, – машинально подтвердила девочка, с любопытством наблюдая, как Эвриале вынимает из часов четыре небольших пирожных с фруктовой начинкой, изготовленных по рецептам поварской книги Марии-Софии Шельхаммер из Киля, изданной в 1692 году, о чем с особым восторгом сообщил механический голосок замечательных ходиков.
- Принять что-то новое очень трудно, ведь каждый стремится, чтобы мир вокруг него не качался корабликом по воле зыбких волн, – задумчиво проговорила горгона. – Когда-то и мне было все ясно, а мир вокруг был прочным и надежным. Мы – три сестры горгоны, следили, чтобы люди сами себе не нанесли вреда в этом мире, созданном исключительно для их счастья. Младшая наша сестра была смертной девушкой, что лишь подчеркивало нашу сестринскую близость к людям. Старшую зовут Сфейно, могучая, она охраняла особые часы, в которых не иссякал золотой песок с далекой звезды, с которой мы явились на эту планету. Целью Гермеса в убийстве Повелительницы снов были эти часы, но Персей не смог обокрасть спящих женщин после убийства Медузы. Гермес немного не рассчитал, что уровень его далеко идущих планов иногда просто не в состоянии вместить человеческая душа. Ему всю дорогу пришлось рассказывать Персею, столько зла натворили горгоны, будто мы были кем-то вроде гидры, которую победил Геракл. Ну, как бы мы пили кровь с именами «могучая», «стражница» и «далеко прыгающая»? Да, мое имя, Эвриале, означало именно это – «далеко прыгающая». Время от времени я совершаю... такие прыжки, сложно объяснить...
- А! Знаю! В фантастике это называется «пространственно-временной континуум», – радостно воскликнула гостья. – Это вроде машины времени, да?
- Да, возможно, это так и называется в... «фантастике», – беззлобно проворчала она. – Не знаю, что такое «машина времени», меня больше интересуют те, кто его олицетворяет. Если говорить о «машине», то, наверно, ее можно представить с большой натяжкой в виде часов Сфейно. Но давай не подтягивать все под стереотипы «фантастики»! Это уводит от сути! О времени Каллиопе надо помнить главное – надо все сделать так, чтобы ни на миг не прерывалась связь времен из-за глупых «идеологий», ложных пророков, «начал нового времени», о которых с таким наигранным пафосом сообщил в эпической поэме «Владимир Ильич Ленин» человек, получивший в благодарность по почте посылку с револьвером. Во времени для тебя главное – связь и непрерывность, вовсе не мои прыжки, в которых я тоже никакого «нового времени» не начинаю, я пытаюсь ими создать связь.
- Хорошо, я поняла, больше не буду, – с нескрываемой обидой сказала девочка, надувая губы. Эвриале даже стало смешно, как она медленно отвернулась к портрету Медузы, чтобы нарочно не глядеть на нее. Но стоило упомянуть гарпий, она проявила живой интерес. Эвриале поняла, что девочка уже могла сталкиваться с ними, скорее всего, из-за «дедушкиного внучка», вообразившего, будто он все уже знает о «реальности, данной нам в ощущении».
- Нам всегда противостояли гарпии – пять сестер, – сказала она тоном, не допускавшим никаких глупых возражений от тех, кто пока видел мир плоским. – Хотя люди долгое время считали, что их всего лишь две, поскольку старшие гарпии могли на непродолжительное время принимать облик людей, чьей душой они полностью завладели. Человеческая оболочка быстро сползает с них, не выдерживая долго их бурной порывистости. Считалось, что гарпии – дочери морского божества Тавманта и океаниды Электры, хотя они олицетворяют намного

более древние разрушительные силы изначального Хаоса. Обычно они изображались в виде отвратительных полуптиц-полуженщин. Даже в их именах звучит дикая нерассуждающая сила бури: Аэлло - "ветер", Аэллопа - "вихрь", Подарга - "быстрононогая", Окипета - "быстрая", Келайно - "мрачная". Раньше все знали, что гарпии – злобные похитительницы человеческих душ, поддавшихся страху перед жизненными невзгодами. От гарпии Подарги и бога западного ветра Зефира родились божественные быстрононогие кони Ахилла, которые после него перешли к любителю всего крылатого – к Гермесу. Обитель гарпий в пещерах Крита. Но, приняв водительство Гермеса, они частенько спускаются за ним в царство мертвых, где с удовольствием предаются своим садистским наклонностям.

- Я видела иллюстрацию, картину художника XVII века Франсуа Перье, - вспомнила девочка.
- Там герой античного эпоса Эней и его спутники, покидающие разоренную, горящую Трою, отбиваются от стаи разъяренных гарпий.

- Их видят многие настоящие художники в своих самых страшных снах и фантазиях, всегда имеющих реальную основу, - ответила Эвриале. - После убийства Медузы «полем битвы» стала сама человеческая душа, которую ничего больше не хранило от беса полуденного и страха ночного. Но люди оказались намного сильнее, чем этого можно было ожидать. Ведь и Персей после глубокого потрясения невольным участием в том убийстве, навсегда отверг любое участие Гермеса в своей судьбе, удалившись от власти.

- Когда мне плохо, я стараюсь чем-то занять себя, - назидательно заявила юная особа, уплетая нежнейшие тарталетки со стола Анны Болейн с начинкой из творога, приправленного миндалем. - У меня бабушка говорит, что если все время работаешь, то невзгоды уходят. «Упорство и труд – все перетрут!»

- Люди нравственные в своих невзгодах обычно ищут спасения в работе, - похвалила ее Эвриале. - Таким спасением для человечества, когда сынок Ледяной девы уже праздновал свою победу, - стала сама возможность развития души, ее упорная работа, живым воплощением которой стали девять муз. Они противопоставили Холодцу и его «девочкам» - абсолютно «бесполезные» с их pragmatической точки зрения вещи, но полностью лишившие их силы.

- А кто такие сирены? – спросила девочка.

- Бывшие музы, предавшие ту, в чьих играх участвовали, - ответила Эвриале. - Есть такие искусства, которые помогают создать образ человека, не меняя его сути. Ты же тоже любишь красивые платья, мечтаешь о красивой обуви. Тебе же не хочется входить в свой класс в том безобразном рутище, которое нынче продаётся у вас в магазинах без очереди?

- Конечно, не хочется! Я купила вот эти туфли, а ребята в классе над ними смеялись, - с горечью сказала девочка.

- Конечно, вещи могут создать вокруг тебя иллюзию защищённости, они тоже нужны, но они не могут заменить собой все, - мягко сказала Эвриале. - Сирены когда-то были музами материального, они это называют «вещественными доказательствами жизни». Музыку, танцы и литературу, которая не всегда имела письменность, передаваясь из уст в уста, - нельзя потрогать. Поэтому изобразительное искусство, какие-то прикладные декоративные ремесла – раньше не входили в область интересов настоящих муз. Это... как красивая картинка, но без всякого смысла. Ею можно наслаждаться, следить за ее орнаментом, но не более того.

- А что с ними стало потом? – с любопытством спросила девочка.

- Разгневанная мать Персефоны превратила их в полуптиц, вроде гарпий, чтобы они вечно искали путь в царство мертвых, куда побоялись последовать за своей подругой. Их три сестры. У них была еще одна, а возможно их было больше. Потому что сирена, чью песню отринет смертный – умирает.

Эвриале все оттягивала время, понимая, насколько бессмысленно говорить этому юному созданию, что за все на свете надо платить, а ей придется за свой дар заплатить особенно высокую цену. Ей не хотелось вновь заглядывать в то будущее, когда сработает запущенный ею часовой механизм, и сидевшая перед ней девочка станет полноправной Каллиопой.

- Под конец этого времени все нити начнут рваться, не давая людям задуматься над тем, что творится прямо у них на глазах, - тихо рассказывала Эвриале, понимая, что никогда не сможет сказать ей главного. - Некоторые ударятся в «славянские поиски», найдя некие «дощечки» из

«Велесовой книги», несущей тот же морок, как и все, что будет происходить вокруг. Но там будут названы три имени, как «три стороны бытия» или «три мира славянского мифологического миропонимания» - Явь, Правь и Навь. И что же это за «сторона жизни», если Навь в словаре Даля трактуется как встречающийся в некоторых губерниях синоним слов мертвец, покойник, усопший, умерший, Явь, Правь – вообще не встречаются? Это отклики песен сирен, к которым ты должна внимательно прислушиваться. Чем громче поют сирены, тем ближе к тебе подступают гарпии.

- А вы мне не поможете? – тоскливо откликнулась девочка.

- Чем я могу помочь той, которая наденет золотую корону? Ты пока сама не понимаешь своей силы! – усмехнулась Эвриале. – Но я буду появляться в тех местах, где твои сестры теряют веру в себя и... чтобы создать нечто такое, что люди обычно называют «совершенно случайно». Моя задача – привести все в равновесие, уравнять ваши шансы.

Понимая, что будущей Каллиопе в этот момент совершенно расхотелось надевать на себя золотой венец, Эвриале с улыбкой добавила: «Ничего! Как только ты увидишь, какие грязные руки протягиваются к твоей по праву короне, твои страхи отступят!»

- А почему все греческое теперь будет не где-то, а у нас? – в полной растерянности спросила будущая муз.

- А вам в школе не зачитывали расхожую фразу «Античность – колыбель всего человечества»? – вопросом ответила на ее вопрос горгона. – К тому же, корни всего о чем мы говорим, хранятся в памяти у каждого народа. Например, в болгарском фольклоре навы – это птицеобразные души умерших, летающие по ночам, в бурю и дождь «на злых ветрах». Крик этих птиц означает смерть. По поверьям „нави“, нападая на людей, сосут их кровь. На Балканах это объясняется весьма pragматично, дескать, они – вампиры, чрезвычайно опасные для людей. Ты потом еще удивишься, когда обнаружишь, что самые кассовые фильмы будут о вампирах, а все книжные прилавки будут завалены «сагами» про них же. Вампир станет романтичным и притягательным, просто душкой, достойной девичьей любви.

Часы на столе прозвонили в последний раз, потому что дверца открылась, в окошке показалась девочка помахавшая чаевницам рукой. Горгона, открыв ящичек под часами, вынула два последних пирожных. Ими оказались нежные эклеры Мари-Антуана Карема, личного повара английского короля Георга IV. Эвриале мысленно согласилась с выбором часов, решивших таким образом подсластить грусть расставания.

- Сегодня мальчик, который сидит сзади тебя, подходил ко мне поинтересоваться, что он выиграет, а что проиграет, если предаст тебя, – призналась она доедавшей пирожное девочке. – При этом он абсолютно искренне считает, что на кону – лишь твоя душа, а не его. Такой маленький, а уже готов поиграть душами, как Холодец. Я пыталась с ним говорить, но он сам сделал выбор задолго до меня.

- Но если все делают выбор сам, то какой во всем смысл? – печально вздохнула маленькая Каллиопа.

- Даже те, кто делает неправильный выбор, должны это знать с самого начала! – не сдавалась Эвриале. – Чтобы никто и сомневаться в этом не мог! Кроме того, у тебя – особая задача, ты должна пробудить всех муз, помочь им. Ты – музва золотой короне, водительница муз! Как бы плохо тебе не было самой, ты должна помочь и защитить младших, как старшая сестра.

Девочка с тяжелым вздохом кивнула ей головой. Эвриале еще раз удивилась брезошибочному свету вспыхнувшего в ее руке флакона. Но все-таки она бы предпочла, чтобы воплощением Каллиопы стал мужчина, как это всегда было раньше.

- И сейчас... мы выполним одно маленькое условие, - сказала она девочке, понимая, как это ее огорчит. - Все, о чем мы говорили, ты будешь знать, но смутно и неопределенно, не наверняка, чтобы твой выбор, когда ты решишь возложить на себя золотой венец — всегда оставался только твоим выбором, а не желанием помочь понравившейся тете, рассказывающей тебе древние сказки.

- Вы исчезнете? — с грустью догадалась девочка.

- Совершенно верно! Эвриале — «далеко прыгающая», появляющаяся там, где она нужна, исчезающая внезапно. Сейчас этот мальчик решил поступить хитро, он не вошел в дедушкин кабинет, он «всего лишь» подошел к двери и прошептал, что видел на уроке литературы горгона, которая при нем нашла Каллиопу. В отличие от тебя, он хорошо изучил наши «сказочки», - сказала она разочарованной девочке.

- У него дома есть всякие книжки, какие его душе угодно! — в запальчивости пожаловалась та.

- А я за всеми книгами хожу в читальный зал, мне на руки ведь не выдают книги из отдела хранения редких экземпляров! И часов таких у меня нет!

- Да, но эти книги и его глубокие знания, подкрепленные тем, что он уже видел в кабинете дедушки, не помогли ему сделать более вдохновляющий выбор, он только что предал тебя, - подтвердила ее худшие сомнения горгона.

- Он всегда меня предавал, я уже почти привыкла — пощупила она.

- Вот и не отвыкай, чтобы меньше разочаровываться в людях! — рассмеялась в ответ горгона. - Мы ему приготовим небольшой сюрприз, твой «пространственно-временной континуум», совсем как в «фантастике». Завтра будет опять вторник!

- Опять? — заныла девочка. — Вторник такой сложный день, едва вечера дождалась.

- А ну-ка, не ныть! — скомандовала горгона. - Пока не закончился сегодняшний день, ты отлично знаешь, что тебя ждет завтра. Твою тетрадку я заполнила сочинением о подвиге советского народа в Великой Отечественной войне из вузовского учебника. Тетрадку подписала. Но ты знаешь, о чем тебя спросят на других предметах, подготовься! Завтра в человеческом обличье явится гарпия по имени Аэлло, ты с ней еще столкнешься.

- Я вас больше не увижу?

- Как знать! Постарайся просто... больше верить себе, ведь завтра ты не будешь знать точно, правда ли то, что сейчас видишь, тебе это будет казаться сном. Ты не будешь знать наверняка, что из всего увиденного и услышанного - Явь, Правь или Навь. Но когда ты проснешься, помни, что в самом начале ты должна создать гимн Прекрасному Слову! А свой первый эпос посвяти моей несчастной сестре, очень тебя прошу! У меня таких встреч еще не было...

Проснувшись утром следующего дня, она никак не могла избавиться от дежавю, будто бы вчера уже был именно этот день. Она бы не отказалась прожить еще один такой же день, потому что весь этот день ей невероятно везло, будто обо всем, что может с ней произойти, она знала заранее. Она получила пятерки по всем предметам, написав на «отлично» контрольные по физике и математике.

Только почему-то в тот день она с тоской ждала урока литературы, которую всегда любила. Предчувствия ее не обманули. В класс, вместо их старенького учителя литературы, относившегося к ней с симпатией и добродушием, в класс вошла странная женщина с колючим взглядом. Внешне она очень напоминала портрет головы Медузы с портрета Караваджо, который она где-то видела, только никак не могла вспомнить, где именно. Этой женщине очень пошли бы черные гадюки в волосах, гармонируя с ее резкими порывистыми движениями. Только у Медузы глаза были теплые, светло-карие, а у этой они отливали перламутром.

- А где Иван Алексеевич? — протянул с задней парты полный мальчик по фамилии Кургужкин, привыкший спать на уроках литературы.

- Какой Иван Алексеевич? – завизжала женщина, я у вас всегда вела литературу! Что, со вчерашнего дня забыли?
- У нас по понедельникам нет литературы, у нас в понедельник физкультура! – нагло заявил ей Кургузкин, за которым раньше никогда не водилось подобной смелости.
- Сегодня среда, ты совсем уж? – повернулся к нему ее сосед сзади.

Закончить он не смог, потому что весь класс утонул в хохоте и общих криках оконфузившемуся мальчугану, решившему, будто у них нынче среда вместо вторника. Как же им всем было смешно, когда их правильный, на редкость рассудительный отличник решил, будто наступила уже среда! Он даже не обратил внимания, что учится по расписанию вторника! Может, ему надо ночевать в школе, чтобы этот праздник никогда не кончался?

Но все умолкли, когда женщина, как две капли воды похожая на портрет Караваждо, взмахнув руками, как крыльями, пронзительно закричала: «Где она? Говори немедленно!»

Ее сосед испуганно вытянулся перед ней и, тыча рукой ей в спину, сказал: «Вот она вчера с ней о Маяковском говорила! О партии еще плохо говорила! Упоминали Геракла! У нее там тетрадка с сочинением неподписанная!»

Тетрадь лежала на учительском столе, новая учительница подлетела к ней и неловко взяла в руки, будто с трудом пользовалась пальцами. Ее лицо было очень изменчивым, нисколько не скрывая обуревавших ее чувств.

- Ты лжешь! Здесь сочинение о каком-то Бакланове, а не о Маяковском, а тетрадь подписана... Ты лжешь мне? – сказала она почти спокойно, но у детей от ее голоса пошли мурашки.

- Да нам про войну сочинение Иван Алексеевич задавал! – заорал от страха с задней парты Кургузкин. – Мы никакого Маяковского не проходили! Нам его не задавали! Мы Конька-горбунка проходили!

Пока весь класс орал вскипавшей гарпии, что им задавали «про Конька-горбунка», она повернулась к соседу, с ненавистью плявившемуся на свои руки, и тихо сказала: «Ты просто бредишь вслух! Твои фантазии меня иногда просто пугают!»

Чуть громче она добавила: «Сейчас у него будет и семь пятниц на неделе!» Ее замечание утонуло в общем хохоте одноклассников. Она подняла руку и любезно предложила: «Хотите, я из Конька-горбунка про Жар-птицу наизусть почитаю?...»

Учительница, вышедшая на замену Ивану Алексеевичу, все больше становясь похожей на большую всклокоченную птицу, растеряно кивнула ей головой, сверкнув большими серьгами с удлиненными драгоценными камнями, отшлифованными «под старину».

